

Пятнадцатое число четвёртого месяца — праздник плавающих фонарей.

В этот день, помимо Праздника фонарей, девушки из знатных столичных семей получали редкую возможность выйти на прогулку и повеселиться.

Нежные строчки про луну, что поднимается над верхушками ив, и свидание влюбленных в сумерках, или тайные встречи возлюбленных из Западного флигеля — какими бы прекрасными они ни казались, всё это оставалось лишь выдумкой литераторов. И лишь свобода и безмятежность этой ночи, когда можно было прогуляться в компании двух-трех подруг по женской половине дома, были подлинными.

Ци Цзюнь слушал женский смех и болтовню, бесцельно прогуливаясь вдоль реки.

Небо только начинало темнеть. К западу от Шанцзиня величественно возвышалась гора Ваньшоу, над её вершиной плыли несколько бледно-золотых облаков. Сумрачные сумерки раннего лета окутывали всё вокруг, и даже скопление разукрашенных повозок и богатых коней, заполонивших в этот час столицу, не могло рассеять ощущение глубокого одиночества.

Обычай пускать по воде фонари зародился в простом народе еще во времена династии Чжоу. В самом начале, когда великая империя еще не была едина и то и дело вспыхивали войны, множество солдат из самых разных мест отправлялись в походы вслед за армией, и у многих из них уже не было шанса вернуться домой.

В память об ушедших близких люди пускали по реке фонарики в надежде, что волны донесут тоску до тех, кто им дорог.

Позднее, когда в Подмосковье воцарился мир, пускание речных фонарей приобрело иной смысл: теперь это служило молитвой о ниспослании благополучия и отведении бед для всей семьи, а также знаком нерушимых клятв между влюбленными.

В этот момент по каналу уже плыли прочь речные фонарики в форме лотосов. В наступающих сумерках воды Великого канала мерцали и переливались в отсветах огней с высоких зданий на обоих берегах.

Перед выходом из дома младшая сестра Ци Я умоляла его запустить для неё один фонарик. Поэтому Ци Цзюнь отдал продавцу пять взней и купил у речного берега бумажный светильник.

Он проводил взглядом этот фонарик, который вместе со множеством других плыл по течению, пока тот не затерялся среди бесчисленных крошечных огоньков на стыке далёкого неба и канала, и на сердце у него стало тревожно.

В детстве он открыто смеялся над товарищем по играм, который верил, будто после смерти люди превращаются в звезды на небе. Разозленный до предела приятель покраснел и

потребовал сойтись в честной борьбе прямо при всех.

Раньше он считал других глупцами, но теперь и сам завидовал глупцам.

Ци Цзюнь искренне хотел бы обмануть самого себя: поднять глаза к звездам и почувствовать, будто он снова встретился с отцом. Но на ночном небе сияли бесчисленные созвездия, безмолвствовал необъятный Млечный Путь, и землянам не суждено было услышать даже тихого вздоха.

Он опустился на землю, прислонившись спиной к старому ивовому дереву на берегу, и заметил росшую у воды дикуую траву, похожую на лисий хвост.

Городские земледельцы часто покуривали стебелек такой травы, зажав его в зубах, хотя вкус её оставался загадкой.

Испытывая любопытство, Ци Цзюнь сорвал один стебель и принялся жевать во рту нежно-зеленый побег.

Тот оказался горьким, причем с каждым движением челюстей горечь лишь усиливалась. Он поспешно выплюнул сорняк.

Интересно, чем занят Сяо Юй во дворце?

Ци Цзюнь отогнал тоскливые мысли и позволил себе предаться праздным размышлениям.

Разбирает ли он государственные доклады? Или тренирует те несколько приемов меча, которым обучил его пару дней назад?

Ци Цзюнь неизменно чувствовал: после того полуночного ухода Сяо Юя из поместья их отношения с юным императором повернули куда-то в странную сторону.

То ли он сам вел себя странно, то ли сам император.

У него вертелись на языке слова, но внятно объяснить происходящее он не мог.

Ему казалось, что Сяо Юй тоже хочет что-то сказать, однако мысли и поступки правителя всегда опережали его собственные, словно мяч, брошенный в воду: водная гладь лишь едва вздрагивала от ряби, а резиновый мяч мгновенно отскакивал назад, улетаая на несколько футов дальше прежнего.

Ци Цзюнь ценил прямооту куда выше изворотливости.

Именно поэтому, хотя Сяо Юй приказал ему каждые три дня являться во дворец для обучения фехтованию, а на дворе уже стоял четвертый месяц, он вот уже полмесяца не переступал дворцовых порогов.

Но раз уж молодой маркиз первым нарушил договоренность, Ци Цзюнь, на утренних докладах никогда и ни перед кем не опускавший голову, теперь смиренно прятал взгляд, стараясь не попадаться на глаза Сяо Юю.

Конечно, порой их взгляды всё же пересекались, но Сяо Юй по-прежнему оставался невозмутимым и безупречным.

Раз уж Ци Цзюнь уже полмесяца не показывался во дворце, юный император несколько не тревожился и даже не посылал никого с расспросами, словно начисто забыл о той давней договоренности.

В человеческой жизни всё устроено странно: стоит отчаянно пытаться что-то вспомнить — и в памяти не всплывает ничего, а когда стараешься выбросить из головы — воспоминания прорываются наружу, точно сорванная плотина.

Самые разные чувства, как горестные, так и радостные, накатывали одно за другим, не давая Ци Цзюню покоя ни днем, ни ночью.

Где-то неподалеку вдруг раздались звуки цитра. Гуцинъ изначально считался утонченным инструментом, а уж в руках столь искусного мастера...

На фоне городского шума и суеты эти тонкие, едва различимые звуки цитра напоминали тихий шепот ветра в сосновом бору, отчего на душе мгновенно становилось значительно спокойнее.

Ци Цзюнь отбросил измятый им в пальцах стебелек дикой травы и пошел на звук музыки.

Музыкант сидел прямо на земле, облаченный в простое одеяние из грубой ткани, а его длинные волосы были наполовину стянуты серебряным венцом.

Цитра лежала на его скрещенных коленях. Закрыв глаза, он перебирал струны, казалось, ничуть не заботясь о суете внешнего мира.

Рядом с музыкантом изящно кружилась в танце девушка в шелковых одеждах цвета спелого персика; к ее запястьям и лодыжкам были привязаны серебряные бубенцы, издававшие звон при каждом движении.

По правде говоря, ее танец нельзя было назвать выдающимся, однако на фоне этой музыки он приобретал особое, неповторимое очарование.

Людей, привлеченных звуками цитра, становилось всё больше, пока зевак не набралось столько, что они плотным кольцом окружили музыканта и танцовщицу.

Музыкант прижал пальцы к струнам и слегка дернул их — в одно мгновение буйство ветра в хвойной роще стихло, и музыка оборвалась.

— Хорошо! — раздался в толпе восторженный возглас, за которым последовал громовой вал аплодисментов.

— Уважаемые господа зрители, коли вам понравилось — те, кто пришел душой, пусть подарят свое внимание, а у кого есть монета, поддержите звонкой монетой!

Девушка тоже остановилась, подняла с земли кусок бурого грубого полотна, зажала концы обеими руками, превратив его в подобие мешка, и медленно пошла вдоль рядов зрителей.

Быть может, ее живая красота тронула сердца собравшихся, а может, и великое искусство игры на цитре. Медный звон монет в грубой ткани стал заметно громче.

— А у брата Су превосходно получается играть на цитре.

В тот момент, когда все взгляды были прикованы к девушке, лишь Ци Цзюнь подошел сзади к игравшему на цитре мужчине и тихо похвалил его.

— Генерал Ци? — Су Цяо никак не ожидал встретить здесь человека из столичных чиновников, он торопливо поднялся на ноги и отряхнул пыль с одежды.

— Позвольте узнать, кем приходится брату Су эта барышня... — Ци Цзюнь посмотрел на девушку, которая все еще собирала деньги.

— Мы с ней случайно встретились на дороге. Она рассказала, что прибыла в столицу в поисках родных, но никого не нашла, а дорожные деньги полностью исчерпались. Иного выхода не оставалось, кроме как зарабатывать искусством на обратную дорогу. Мне стало жаль ее, вот я и решил немного помочь, — просто и ровно пояснил Су Цяо с таким видом, будто верить ему или нет — личное дело собеседника, которому до этого нет никакого дела.

— Знатные вельможи столицы считают за позор водиться с подобными людьми, а брат Су проявил благородство и пришел на помощь. Я восхищен вашим поступком, — прямо и искренне произнес Ци Цзюнь, и Су Цяо невольно проникся его словами.

— Люди, конечно, делятся на благородных и подлых, но определяется это вовсе не тем, насколько дорогие одежды они носят и сколь изысканную пищу едят.

— Мы мыслим одинаково. Неудивительно, что брат Су носит одежды из простой ткани.

— Разве генерал Ци сам не одет в простое? — с улыбкой парировал Су Цяо, окинув взглядом собеседника.

Обычно тот одевался скромно, однако неизменно носил на поясе нефритовую подвеску.

Сейчас же на Ци Цзюне красовалось простое синее платье, ничем не отличавшееся от одежд прохожих на улице.

— В армии привык носить грубую ткань. Вернувшись в столицу, так и не захотел переодеваться, — почесав в затылке, пояснил Ци Цзюнь.

— В тот день на конском рынке я говорил, что у нас с вами есть связь. А новая встреча сегодня доказывает: само небо велело мне завести такого друга, как ты, — сказал Су Цяо. — Мы с тобой ровесники, так что брось называть меня братом Су, зови просто Цзычжао.

— Хорошо. А Цзычжао пусть зовет меня Сяо Цзи.

Раньше Сяо Юй был первым и единственным человеком на свете, кто звал его Сяо Цзи.

Теперь же, поддавшись беспричинному чувству душевной близости к стоявшему перед ним человеку, он открыл это имя Су Цяо.

— Сяо Цзи, не соизволишь ли выпить со мной вина?

— Траур по отцу только что закончился, мне не пристало пить вино.

— Это я опрометчив. — Су Цяо немного подумал и добавил: — Раз так, давай заменим вино водой и отпразднуем наше знакомство простолюдинов? Как тебе идея?

<http://bllate.org/book/21170/2144733>